

С той первопоры, как человек создал свою версию света и цвета, обратившись к живописи, он не переставал искать способы передать свое ощущение жизни именно в красках. Ничто так не говорит о личности Нателы

Ианкошвили — в чертах грузинки, в самом ее физическом лице. Но вот что, как нам кажется, в большей мере бесспорно: в этих портретах есть характер, а вместе с ним своя суть человека со своеобразием ума, того неповторимого, что мы зовем индивидуальностью, ее свойствами.

Говорят, что новаторство художника оправдано, если его поиск не нанес ущерба характеру, к которому он обратился. Новаторство Ианкошвили ценно тем, что в портретах, написанных

Впечатления

Савва

ДАНГУЛОВ

ЦВЕТ ЖИЗНИ

Ианкошвили, как краски ее картин. Прежде всего черно-смоляная, не просто яркая, а негасимая. Немалая особенность: в этой краске нет печали. Это — цвет жизни. Цвет юга. Цвет августовского неба, бархатно-сажевого и бездонного, цвет черни на серебряных ножнах кинжала, цвет горного карагача, подпаленного грозой. Мы сказали «цвет жизни», и тут нет преувеличения — эта краска обретает невиданную доселе выразительность, а может быть, и эмоциональность в сочетании с другой краской, например, снежно-белой, сине-зеленой, гранатово-красной, почти бордовой. Взгляните на портреты кисти Ианкошвили — это качество сказало тут с силой завидной.

Серию тех портретов, которые мы увидели на недавней выставке грузинской художницы в Москве, открывает портрет Нины Грибоедовой-Чавчавадзе. Строгая прелесть юной Нины — это, как показал портрет, и сознание превосходства, в котором ум объединился с красотой. Говорят, что Леонардо, прежде чем отыскать мерцающую улыбку Джоконды, написал двенадцать Джоконд и как бы контрапунктировал их улыбки. А как удалось обрести эту улыбку теперь? Не было бы этой улыбки, смогли бы мы говорить о строгой прелесть Нины?

Хочется спросить себя: окажись художница перед необходимостью написать новый портрет Нины, написала бы она его в такой же манере? Думаю, что нет. Как ни интересен портрет Нины, для нынешней Ианкошвили он, пожалуй, чрезмерно традиционен. Расстояние, что пролегло между этой работой художницы и, например, портретом пианистки Нино Чиракадзе, написанным на одиннадцать лет позже, определяет значительность поиска художницы, как и весомость того, что она обрела в стремлении отыскать новое.

Однако чем отмечены работы последних лет, что они добыли? Смелее стало движение кисти, резче и одновременно свободнее мазок, тверже, если можно так сказать о портрете, живописное решение. Это именно живопись, отмеченная чертами искусства сегодняшнего. Больше того — это грузинская национальная традиция в живописи. Вспоминается Пиросмани, хотя абсолютные ассоциации тут могут быть и не очень уместны. Говорят, что краски Ианкошвили являются хранительницами страстей — поэтому женские портреты художницы так эмоциональны. Возможно, это и верно; хотя эмоциональ-

ею, сохранена натура человека. В портрете Анны Вардиашвили, актрисы и фольклористки, художница рассмотрела эту мудрую лукавинку, прозорливую и вместе с тем чуть-чуть тревожную, — не эти ли черты определили суть личности Вардиашвили? В глазах актера Спартак Багашвилиглянула нескрытость человека, привыкшего доверять, — актер предстал перед нами в образе, который он явил зрителям, но хочется видеть за этим образом и самого актера.

Даже не верится, что живописец, для которого характерен свободный и смелый мазок, может быть в своей графике столь точен в деталях рисунка, столь безупречен в самом его построении. Похоже, что у живописи и графики Нателы Ианкошвили были свои разные законы и развивались они самостоятельными путями. Графические листы художницы, созданные в последние годы, обращают нас, как и в живописи, к поиску. Если в живописи главенствует своеобразие цвета, то тут — линии. И это, наверно, характерно для природы графики. Графический лист «Сванские женщины», исполненный одной-единственной линией, которая, неотрывно закружляясь, нигде не пересекается, очень хорош. Впечатляют иллюстрации к «Витязю в тигровой шкуре», для грузинского изобразительного искусства традиционные. Вот, например, эта: два лица выступают из тьмы, все предельно лаконично, глаза ушли в чаши орбит, они едва угадываются по мерцанию света, по блеску. Но и в графику вторгается цвет, не разрушая своеобычия; он не щедр, но его достаточно, чтобы дать доступ солнцу, оно за пределами графического листа, но прикосновение его не утаишь.

Наверное, живопись и графика Нателы Ианкошвили в такой мере возникли по собственным законам, что, кажется, они принадлежат разным мастерам, но это впечатление может быть и обманчивым.

Есть одна черта, которая роднит ее живопись и графику: та самая черно-смоляная краска, с которой мы начали рассказ о грузинской художнице. В графике Ианкошвили она, эта краска, творит едва ли не такое же диво, как в живописи. Не столь уж часто в одном мастере живопись по уровню соперничала бы с графикой — в данном случае это имеет место.

Мы увидели мастера, который стремится сказать свое слово в искусстве, стремится сказать и, пожалуй, сказал. Новых свершений талантливой художнице!